

Михаил Безродный

ВОКРУГ «КРУГА» СИРИНА

Бешеная тоска – кажется, что эта конструкция придумана автором¹, а между тем она встречается у Гоголя («Я никогда не видал таких ужасных порывов душевного страдания, такой бешеной, палящей тоски...») и в ранней лирике Пастернака («Тоска, бешеная, бешеная...»; «И – с тоскою какою-то бешеной»). Включающий это словосочетание зачин «Круга» вместе с частью, оторванной от зачина и перенесенной в финал (ниже присоединена плюсом): «...в нем разыгралась бешеная тоска по России. <...> он вспомнил прошлое со стеснением сердца, с грустью... + Какое ужасное на душе беспокойство...» представляет собою реминисценцию Словаря Даля: «**Тоска**, ж. (теснить?) стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь. *Тоска по родине*, обращается иногда в телесную болезнь, с изнурительною лихорадкой. *Тоска берет глядеть на него*, докучает. *Тоска бешеная!* от скуки, безделья...». Ср. использование в качестве эпиграфа к «Дару» (по отношению к коему «Круг» – side

¹ «...необычный троп „бешеная тоска“ <...> близок по сути оксюмору: чувство подавленности (тоски) искусственно соединяется с агрессивным, неконтролируемым движением (бешенство), и грусть и злость вылились в одно словосочетание» (Романова Г. «Если жизнь тебя обманет...»: Рассказ В. В. Набокова «Круг» с разных точек зрения // *Лит. учеба*. 2003. № 1. С. 196; Романова Г. И. Практика анализа литературного произведения: (Рус. классика). М., 2012. С. 92).

story) выдержки из «Учебника русской грамматики для младших классов» Смирновского с сакраментальным «Россия – наше отечество. Смерть неизбежна».

смотрел через реку <...> и вдруг – молочное облако черемухи среди хвой – образ черемухи, растущей на речном берегу по соседству с хвойными деревьями, – сквозной у Набокова начиная с ранней лирики («Вперед! Сквозь белизну молочную черемух / зеленая река застенчиво блестит») и «Машеньки» («На реке теперь отражался левый <...> берег, сверху поросший елью да черемухой») и кончая пушкиноведением: «A common and popular woodland plant in Russia, it is equally at home among the riverside alders and on the pine barren»². Эпитет «молочная» позаимствован Набоковым (вслед за Лермонтовым и Фофановым) у Батюшкова: «Под тению черемухи млечной»; ср.: «...цвела имени безумного Батюшкова млечная черемуха» («Другие берега»), а также «Черемуха млела, и было темно» («Тишина»), где «млела» – субститут млечности.

Таня говаривала, что у них есть родственники не только в животном царстве, но и в растительном, и в минеральном. И точно: в честь Годунова-Чердынцева названы были новые виды фазана, антилопы, рододендрона и даже целый горный хребет (сам он описывал главным образом насекомых) – в этом портрете, словно писанном кистью Арчимбольдо и ориентированном на реальные биографии (Пржевальского, именем которого названы хребет, птица, бабочка и ряд растений, и Грумм-Гржимайло, именем которого названы перевал на хребте и множество насекомых), не хватает рыб, зато усадьба Годунова-Чердынцева предстает былинно-оперным дворцом морского царя: «До какой глубины спускаешься, боже мой! – в хрустально-расплывчатом тумане, точно всё это происходило под водой. Иннокентий видел себя почти младенцем, входящим с отцом в усадьбу, плывущим по дивным комнатам...». К мотиву подводного плена (= плен воспоминаний) относится и переключка фамилии и портрета протагониста – «Бычков», «чересчур губаст» – с образом пойманной рыбки: «стеклянная банка, где уже плавал, выпятив губу, бычок».

в цельном окне, сквозь газовый узор занавески, женственно белелась какая-то статуя, – сахарно-белая ягодица с ямкой – ср.: «...Я помню дом большой, / я помню лестницу, и мраморной Венеры / меж окон статую» («Детство»).

² Nabokov V. *Eugene Onegin, transl. with commentary*. NY, 1964. Vol. 3. P. 11.

Балкон поддерживали оливковые круторебрые атланты – ср. теламоны на дворце Демидовых (Большая Морская, 43; неподалеку от особняка Набоковых) и на доме Вейнера (угол Сергиевской, 38, и Воскресенского, 9), описанном в «Защите Лужина»: «...дом сливовый, с голыми стариками, напряженно поддерживающими балкон».

Комната Ильи Ильича: пыльный луч солнца – образ пыльного солнечного луча, встречающийся и в «Подвиге» («Там, во сне, предлагались чудовищные задачи с большими железными иксами, завернутыми в вату, а тут, наяву, в просторном зале, косо пересеченном пыльным лучом, студенты-филологи в черных плащах отмахивали по три сочинения в час...»), восходит к «Юности» Толстого («Я стоял около окна, в которое утреннее солнце сквозь двойные рамы бросало пыльные лучи на пол моей невыносимо надоевшей мне классной комнаты, и решал на черной доске какое-то длинное алгебраическое уравнение»).

в простенке портрет Льва Толстого, всецело составленный из набранного микроскопическим шрифтом «Холстомера» – ср.: «...на стене так называемый „типографический“ портрет Льва Толстого, то есть портрет, составленный из печатного текста, в данном случае „Хозяина и работника“, целиком пошедшего на изображение автора» («Другие берега»³). Этих свидетельств культа Толстого не существовало, но имелись похожие – изданный в Киеве в 1900 г. портрет, на котором волосы и блуза составлены из записанного мелким почерком текста первых тринадцати глав «Крейцеровой сонаты»⁴, и выпущенный в Одессе в 1905 г. портрет из текста «Смерти Ивана Ильича»⁵. Состоящее из мелких деталей изображение Толстого в комнате сельского учителя напоминает и его собственный портрет («множество складочек на щеках»), и «портреты луговых и лесных вредителей» на стене сельской школы.

После долгого, вольного дня спалось превосходно; случилось, однако, что иная грёза принимала особый оборот, – сила ощущения как бы выносила его из круга сна, – и

³ Отмечено Ю. Левингом в: *Набоков В.* Рус. период: Собр. соч.: В 5 т. СПб., 2006. Т. 3. С. 822.

⁴ Описание этого арт-объекта см. в: *Чельшев Б. Д.* В поисках редких книг. М., 1970. С. 83–89.

⁵ Сообщено А. Мешавкиным.

некоторое время он оставался лежать, как проснулся, боясь из брезгливости двинуться – мотив впустую растрченного семени (отчетливо прозвучавший в «Лилит») иллюстрируется образом крылатого соплодия («Вращаясь, медленно падал на скатерть липовый летунок») и вторит этимологии имени протагониста. Вызванный к калитке запиской, «которую, как в старых романах, ему принесла босая девчонка», Иннокентий ведет себя в духе русского человека на randevу.

Из-под сдвинутой набок фуражки живописными коричневыми прядями волосы налезали на бугристый лоб – ср. портрет Базарова: «приподнял фуражку. Его темно-белокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупных выпуклостей просторного черепа». Сын сельского учителя и будущий врач, Иннокентий презирает «знать», но повторяет путь «нового человека» 60-х: «ливрейные лакеи, чинные дворецкие оскорбляли его демократическое чувство», однако, влюбившись в их хозяйку, он «перестал бранить ее „аристократические замашки“» («Отцы и дети»).

букет ночных фиалок – как и «молочное облако черемухи», образ овеян поэтической традицией; ср. «...the flower spikes of the fragrant bog orchid (the *nochnaya fialka* of Russian poets)» («Speak, Memory»; имеются в виду прежде всего «Сосна так темна, хоть и месяц...» и «Сильфы» Фета и «Ночная фиалка» Блока).

Жарким днем в середине июня по сторонам дороги размашисто двигались косари <...> «Бог помощь», – сказал Илья Ильич, проходя <...> Иннокентий молча шагал рядом <...> Приближались к усадьбе. На площадке для игры в лоун-теннис тот же глухой розовый старичок в фартуке макал кисть в ведро и проводил, согнувшись до земли и пятясь, толстую сливочную черту. «Бог помощь», – сказал Илья Ильич, проходя – пародия на картину сословной идиллии в воспоминаниях Багрова-внука: я-повествователь с отцом едут по полю; приблизившись к жнецам, «отец мой сказал каким-то добрым голосом: „Бог на помощь!“»; «С этой десятины поехали мы на другую, на третью и так далее. Сначала мы вставали с роспусков и подходили к жнецам, а потом только подъезжали к ним; останавливались, отец мой говорил: „Бог на помощь“». В «Ada or Ardor» с подзаголовком «A Family Chronicle», повторяющим заглавие аксаковских мемуаров, фигурирует «chaste, angelic Russian tutor, Andrey Andreevich Aksakov»; в примечаниях С. Аксаков охарактеризован как «minor writer», а

в «Других берегах» его очерк «Собиранье бабочек» назван «болтовней» со «всякими нелепостями».

старая французженка с недобрыми глазами, державшая под столом на коленях незримое крохотное существо, изредка звеневшее бубенчиком – ср.: «...мы сидели, нежно соединив руки поверх фокстерьера, изредка позвякивавшего бубенчиком у Колетт на коленях» («Другие берега»).

Некоторое время Иннокентий боролся с сочным кусочком пирога, очутившимся вне тарелки, – и вот, от неловкого прикосновения, перевалившись и – под стол, – малиновый увалень – ср. оживающие в сказке Кэрролла баранью ногу («The leg of mutton got up in the dish and made a little bow to Alice») и рождественский пудинг («„What impertinence!“ said the Pudding. „I wonder how you'd like it, if I were to cut a slice out of you, you creature!“»), отведать которых Алисе так и не удается.

(там его и оставим) – пародийная имитация приема оповещения читателя (в форме будущего времени или императива совместного действия) о временном или окончательном удалении «со сцены» объекта речи, обычно одушевленного; ср.: «И здесь героя моего, / В минуту, злую для него, / Читатель, мы теперь оставим».

лёгкий хруст шагов – ср. у Игоря-Северянина: «У рая слышен лёгкий хруст шагов» ← реминисценция блоковского «Ночь полна шагов и хруста» ← реминисценция сологубовского «Не слышать шагов, ни хруста».

ничто-ничто не пропадает, в памяти накаплиются сокровища – ср.: «Где теперь это счастье и солнце, эти рюхи, которые так славно звякали и скакали, мой велосипед с низким рулем и большой передачей?.. По какому-то там закону ничто не теряется, материю истребить нельзя, значит, где-то существуют и по сей час щепки от моих рюх и спицы от велосипеда» («Машенька»).

